салон



"МАНИФЕСТ. Современность глазами радикальных утопистов". — М.: "Опустошитель", 2014., 556 с.
Алина ВИТУХНОВСКАЯ. "Мир как Воля и Преступление". — М.: "Опустошитель", 2014., 271 с.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "Опустошитель" — проект малоизвестный, но жизнеспособный и регулярный, что не может не радовать в условиях монополизированного книжного рынка.

Прежде чем говорить о книгах, выпущенных "Опустошителем", крайне важно понять концепцию этого проекта, так как заявлено нечто большее, чем маленькое и независимое книжное издательство. Сами создатели сформулировали эту концепцию следующим образом:

"Перетряхивание останков мертвого искусства, реликтов цивилизации и загубленных судеб. Исчерпание жизни через ее опустошение. Синкретическое суммирование Гегеля и Пифагора, Эйнштейна и Лотреамона, Дженезиса Пи-Орриджа и Ивана Новака, "Митиного журнала" и евразийского обозрения "Элементы""

Если не вдумываться — повторение пройденного еще в 90-е годы, даже пошловато как-то. Сами посудите — тот же Лотреамон, из трепета студенток филфаков, уже давно превратился в универсальный цитатник для социальных сетей.

Если вдуматься — все сложнее. На примере последней пары книг, выпущенных "Опустошителем", можно эту сложность сформулировать в простой вопрос: а зачем?

Сборник "Манифест. Современность глазами радикальных утопистов" радует прежде всего отсутствием каких-либо предисловий, введений и неподъемного научного аппарата. Все дано как есть. А есть сборник манифестов XX-XXI веков — от "Манифеста футуризма" Филиппа Маринетти (1090) до "Моего манифеста" Дмитрия Виноградова (2012), скромного юриста аптечной сети "Ригла", расстрелявшего семерых своих бывших коллег. Но об этом — позже.

На самом деле есть еще "Владимир Путин, или Вторая волна Опустошителя" (2014), без указания автора, надо полагать — текст за авторством самого "Опустошителя". К этому тексту тоже — позже, в нем есть самое главное.

От футуриста до юриста — сюрреалисты, дадаисты, Малевич, Ларс фон Триер, Арто, Эвола, Джемаль, Laibach, Годар и многое другое. Соответственно, тематика: культура, политика, секс, искусство, магия, философия. Каждый найдет по себе.

Теперь, когда ясно что это, можно вернуться к вопросу: а зачем это?

Сначала читаем текст на обложке: "Манифест есть мера любого эстетического направления, будь то искусство, политика или девиация". Принято.

Теперь имеет смысл, предварительно внимательно ознакомившись с содержанием, сделать неутешительный вывод — тот самый манифест юриста-убийцы есть наивысшая стадия деградации самого манифеста как феномена. Есть девичья истерика, за которой ничего нет, кроме детских обид и бытовой неустроенности: "Я ненавижу человеческое общество и мне противно быть его частью! Я ненавижу бессмысленность человеческой жизни!

Данные тезисы не спасают даже теоретические обоснования, данные автором. Этот манифест не способен являться мерой эстетического, чего-то явно не хватает. Но только в сравнении с классическими манифестами, которые смогли, в разной степени, реализовать себя в действии, масштабе и времени. А по отношению к современной культурной, эстетической, и, если угодно, экзистенциальной ситуации — качественный продукт своей эпохи. Пожалуй, это как раз тот случай, когда точно можно сказать — бытие определяет сознание. Но разве манифест не должен действовать наоборот?

Варианты ответа на вопрос "а зачем?": Затем, чтобы можно было отследить упадок радикального. Затем, чтобы иметь фон, на котором можно трезво оценивать современную ситуацию (аспекты — на выбор). Затем, чтобы соотнести заявленное с реализованным — целый век перед глазами, уже можно подводить итоги. Затем, чтобы, как в песне Башлачёва "вырастет новый мальчик, за меня, гада, воевать" — содержание имеет колоссальное напряжение, и в умелых руках вполне может превратиться в учебник (для этого, естественно, будет необходимо преодолеть все написанное).

В случае книги "Мир как Воля и Преступление" содержание не имеет особого значения — поэзия разных лет с добавлением прозы и эссе. Стихи — всё те же, поэтика все та же. Музыка пахнет газовой камерой, кровавую Волгу черпают черепами детей, а в Освенциме весело. Всё, как всегда.

Гораздо интереснее другое. Необходимо вернуться к вышеупомянутому тексту ""Владимир Путин, или Вторая волна Опустошителя", который представляет собой диалог Маруси Климовой и "Опустошителя": "Вы заметили? Сразу три ваших автора попали в редакционный список АСТ (заметим — книжный гигант). Я, Алина Витухновская, и сумрачный гений Луи-Фердинанд Селин. Нас не издавали в России почти десять лет. Все забыли о нас, как о музейном хламе". Добавим, что и Лотреамон в планах издательства, в чьем авторском портфеле Паоло Коэльо, Стивен Кинг и, например, псевдоисторические тексты Акунина.

Тут вновь возникает вопрос.

Что такое происходит, что к нам возвращаются Селин, Витухновская, манифесты прошлого? Варианта, опять же, два: очередной виток упадка радикального и окончательная ассимиляция попкультурой, или… Тут еще рано давать ответ, нужно подождать. Но вполне возможно, что "Опустошитель" занимается уже не "перетряхиванием останков мертвого искусства, реликтов цивилизации", а чем-то куда более актуальным.

Евгений СИДОРОВ

СВИДЕТЕЛЬСТВА

Выставка артефактов древнего Кипра

ВЕК НАЗАД возник Пушкинский музей. Изначально он был тем местом, где выставлялись копии великих произведений искусства. Большинство из них было заказано непосредственно для музея за несколько лет до его открытия. Копии выполнены качественно, они до сих пор находятся на постоянной экспозиции. Но сейчас кроме них в стенах Пушкинского выставлены и подлинные памятники древности. Например, в Египетском зале покоятся настоящие мумии и предметы, чей возраст достигает нескольких тысяч лет.

И вот инвентарь неподдельных древностей расширяется в рамках временной выставки "Искусство древнего Кипра". Изделия с острова Кипр можно будет увидеть вплоть до 11 января 2015 года.

Изменения, произошедшие с Пушкинским музеем за последние несколько лет, можно расценивать как негативные. Но вот, по необъявленным причинам, был избран иной курс. Теперь музей работает до восьми часов вечера во все дни, кроме четверга, когда по залам можно расхаживать до девяти, и понедельника, который традиционно является выходным. Кроме того, стоимость билета уменьшилась в два раза и отныне составляет триста рублей, включая посещение всех временных экспозиций.

Выставка "Искусство древнего Кипра" размещена в Олимпийском зале музея. Форма её основного стенда, на котором расставлено большинство экспонатов, напоминает остров, выросший из пола. То, что найдено на Кипре, разительно отличается от покоящихся рядом гипсовых слепков, выполненных с великих скульптур древней Греции.

Кто-то, лишь мельком взглянув на кипрские артефакты, скажет, что их художественные формы примитивны и даже беспомощны (именно так долгое время считали искусствоведы и археологи), что они не развивались с течением бесчисленных веков, и весь их шероховатый внешний вид обусловлен замкнутостью социокультурной системы острова на востоке Средиземного моря. Но тысячи лет назад Кипр был скорее котлом этносов и культур, нежели закрытым от всяческих внешних воздействий анклавом. Остров испытывал влияние Египта, государств Передней и Малой Азии, а позднее — Ассирии, Персии и Древнего Рима.

Выходит, что киприоты легко могли утратить самобытность и начать копировать, к примеру, чернофигурную вазопись, или столь же легко поддаться соблазну наносить куда ни попадя прямоугольные меандры. Но, несмотря на некоторые заимствования форм, методов и инструментов, к примеру, того же гончарного круга, Кипр сохранил аутентичность собственного искусства, тяготеющего к тому, что сейчас принято называть hand-made, то есть "сделано вручную".

Никто не будет спорить, что масштаб, мастерски обработанные поверхности, точно выстроенные композиции, а также идеальные пропорции и формы моментально приносят произведениям искусства, извлечённым из небытия, всеобщий почёт. Таким не нужно доказывать свою значимость и важность — она самоочевидна. Но есть уголки культурного поля, нуждающиеся в более пристальном взгляде. В одном из таких уголков условно приютились памятники древнего искусства с острова Кипр.

Конечно же, краснолощёные кувшины, которым уже около четырёх тысяч лет, прекрасны сами по себе, но среди экспонатов есть на первый взгляд невзрачные предметы из обожжённой глины, которые, получив долю вашего внимания, могут о многом рассказать и даже взбудоражить фантазию. К примеру, рядом с фигурками животных на стенде расположились небольшие глиняные идолы с птичьими ликами и телами простых геометрических форм, покрытые однотонными орнаментами из полос. Они относятся к древнейшим находкам Кипра. Их обнаружили в местах захоронений. Но каково было их предназначение? Какие мифы были связаны с этими идолами? Письменных свидетельств той эпохи не найдено, ответа нет, тайна остаётся тайной.

Соприкосновение с таинственным — один из важнейших аспектов посещения выставок, посвящённых древности. Наша эра, отсчитываемая от Рождества Христова, длится уже две тысячи лет. И за эти двадцать веков произошло неисчислимое количество событий, само мироощущение человека не раз успело смениться. Но всемирная история не начинается в нулевом году. Её полотно простирается куда-то в бесконечный минус, где оно растворяется в безвременье. Так вот, древнейшим кипрским артефактам, выставленным в Пушкинском, сейчас пять тысячелетий. То есть, на момент падения Римской империи они уже были невероятно древними, просуществовав на Земле порядка трёх с половиной тысяч лет.

Мы не можем знать в деталях, чем были заполнены тысячелетия. Иногда кажется, что в полотне времени возникали прорехи, где исчезали сведения о целых



эпохах. Но, несмотря на отсутствие данных, что-то всё равно происходило. Появлялись и исчезали города-государства, возникали, заменяя друг друга, божества, трансформировались обряды.

Артефакты-произведения искусства не расскажут нам детальную историю древнего мира. Но они могут донести до нас сведения о мироощущении людей, населявших остров Кипр тысячи лет назад. На метафизическом уровне вся эта посуда, простые статуэтки, демонстрирующие бытовые сюжеты, глиняные адоранты и сосуды причудливых форм дарят бессмертие цивилизации, занимавшей остров Кипр тысячи лет назад. В наши дни артефакты стали свидетельствами её существования, каждый зритель, глядя на них, частично оживляет прошлое Кипра в своём сознании.

Грубые предметы, которые служили людям каждый день, которые помнят прикосновения живых рук, для современного зрителя могут быть интереснее выхолощенных и всем давно известных великих художественных творений. В XXI веке отношение к искусству, к тому, что можно и нельзя им называть, продолжает меняться. Возможно, люди постепенно учатся эмпатии. И теперь даже самая примитивная лепная статуэтка с едва читаемыми чертами может стать столь же ценной и интересной для зрителя, как мраморный бюст времён расцвета античности.

Кипрская коллекция уже много лет находится во владении Пушкинского музея. Часть экспонатов попала к нам по итогам Второй мировой в качестве перемещённых ценностей. К сожалению, во время штурма Берлина многие предметы были серьёзно повреждены и долгие годы ушли на их реставрацию. "Искусство древнего Кипра" рассказывает об этой главе истории, попутно наглядно демонстрируя как, собственно, происходил процесс реставрации. Некоторые кипрские экспонаты демонстрировалась в 2005 году в рамках проекта "Археология войны. Возвращение из небытия". Но нынешняя экспозиция — гораздо объёмнее и глубже.

Пройдёт два месяца, и все артефакты вернутся в хранилища, туда, где, по официальным данным, в настоящий момент находится огромное количество никогда не выставлявшихся произведений искусства и предметов древности. Для посещения доступна лишь малая часть из того, что принадлежит одному только Пушкинскому музею. Остаётся надеяться, что когда-нибудь мы сможем увидеть хотя бы половину этой скрытой от глаз коллекции. И даже половина из сокрытого — это уже очень много.

Алексей КАСМЫНИН

В ПУРПУРНЫХ СНЕГАХ

"Дурацкое дело нехитрое" (Норвегия, Швеция, Дания, 2014, режиссёр — Ганс Петер Моланд, в ролях — Стеллан Скарсгард, Бруно Ганс, Петер Андерсон, Пол Сверре Валхейм Хаген)

МАЛЕНЬКИЙ, занесенный снегом норвежский городок. Пристойное европейское житие на фоне закованного в лёд небольшого аэропорта. Дорого и сердито. Эмигрант из Швеции Нильс Дикман (Стеллан Скарсгорд) — снегоуборщик и почетный гражданин облюбованного им местечка — "скуп на слова, как Де Ниро" и непоколебим, как крепость Эльсинор. Он доволен своей жизнью и не собирается никуда вмешиваться. Он носит гордое звание "Ассимилированный человек года". Но узнав о смерти своего сына, погибшего от передозировки, Нильс хладнокровно решает послать куда подальше ассимиляцию и покончить с собой. В кульминационный момент попытки самоубийства он узнаёт, что его сын работал на наркомафию, якобы украл кокаин и был убит за это торговцами белой смертью. Трагедия произошла в том же аэропорту, возле которого наворачивает свои магистрали старательный швед. Тогда разгневанный отец передумывает самоубиться и решает своими руками уничтожить местный картель. В ход идут все средства, на арене действия появляется сербская мафия, а снег благополучно окрашивается в алые цвета возмездия.

Эстетика мира, как заснеженного дома, в каждой комнате которого схоронен труп, а в шкафу таится убийца, возникала на экране не раз. В случае с картиной норвежского режиссера Ханса Петтера Моланда, вышедшей у нас в прокат под очередным идиотским названием "Дурацкое дело нехитрое", есть и отсылки к коэновскому "Фарго" и приветы криминальным фильмам Алексея Балабанова. Эстетика 90-х, с их абсурдистской гиперболизацией насилия, здесь столь же тесно связана с типичной историей про месть, как и с социальными проблемами современной Европы. Ассимилированный человек года моментально слетает с катушек, когда дело начинает касаться его лично. Добросовестный работник, с тем же усердием, с которым он бороздил на снегоуборочной машине просторы загородных трасс, бросается убивать плохишей, не испытывая при этом никаких чувств вины за содеянное. Месть так же холодна, как и ветер, постоянно звучащий в кадре как музыка. Летят в бездну льдистых фьордов на прокорм рыбам один за другим трупы тех, кто никак не может понять одного — угроза может исходить и от такого "маленького человека", приехавшего на заработки из другой страны. Но об этом никто и не хочет задумываться — проще списать кровавый гиньоль на происки куда более могущественного врага. Талант актера Скарсгорда, проявивший себя как в фильмах Ларса вон Триера, так и в блокбастерах вроде "Пиратов Карибского моря", как никогда лучше вписывается в образ Нильса Дикмана. Человека, чья обывательская внешность и суть делают его особенно незаметным. Характер нордический, стойкий, но совершенно не укладывающийся в образ благородного мстителя.

Ирония происходящего заключается и в том, что Моланд использует метод криминальной драмы, помноженной на чёрную комедию, в том числе ещё и для того, чтобы показать, как разъединена сегодня Европа. Норвежцы не в курсе про битву на Косовом поле в 1389 году, считают, что Италия, Испания, Греция в кризисе из-за того, что там просто тепло, а значит, люди ленятся трудиться во имя процветания. Местный глава наркоторговцев носит прозвище Граф и увлекается вегетарианством, тогда как его сербский "коллега" по-старомодному откликается на кличку Папа. Смешно и страшно. Сатирично, но убийственно серьёзно при этом. Постепенно, благодаря режиссёрскому мастерству упражняться в создании новых скандинавских саг, в принципе простая история приобретает черты крайне актуального фильма, идущего дальше ностальгии по 90-м или слепка эпохи наших дней. Особенно, если вспомнить о недавней трагедии в аэропорту Внуково, где самолет, на котором находился исполнительный директор французского энергетического концерна Total Кристоф де Маржери, столкнулся именно со снегоуборочной машиной. И в этом совпадении вся горечь и ирония современного мира. Очередная иллюстрация как действия маленького человека способны перевернуть мир, пусть и не столь глобальный по смыслу, как очередная революция или военный переворот.

Анастасия БЕЛОКУРОВА



АЛИСА. "Цирк" ("СМ-Финанс")

В ДЕКАБРЕ исполняется тридцать лет появлению в составе питерской группы "Алиса" нового вокалиста Константина Кинчева. Через парутройку лет уже было сложно представить отдельно Кинчева и "Алису". И по сей день его интересы и представления во многом формируют мир группы. Разумеется, не исключение — девятнадцатая студийная пластинка "Цирк". Хотя в значительной степени это также работа клавишника Дмитрия Парфёнова.

Если брать сугубо музыкальный контекст альбома, то больших открытий ожидать сложно — на нынешнем этапе песни "Алисы" частенько конструируются по одной схеме. И "Цирк" вполне укладывается в производство — дистиллированный саунд последних четырёх альбомов не балует разнообразием (если уж совсем пуститься в ностальгию — "непричёсанная" гитара Шаталина мне куда ближе, чем "холёная" нынешняя — при всей условности таких сопоставлений в мировом масштабе), имеются обязательные рамштайнизированные элементы, а некоторые треки — словно продолжение предыдущего "Саботажа". С другой стороны — обещанный Кинчевым "панковский" вектор тоже присутствует, кое-где даже повеяло энергией восьмидесятых. В сумме получился наиболее "живой" альбом лет за пять. Хотя при всей открытости с ходу "Цирк" запросто может и не прочитаться. Тем более, допуская, что мы имеем дело с некоторым концептуальным высказыванием.

"Цирк" — попытка баланса разных форм. Две песни из стратегического запаса — "Такие дела, хозяин" середины восьмидесятых, хорошо попавшая в контекст альбома, и "Шанс", редкий номер памяти гитариста Игоря Чумычкина, ближе всего она была к циклу "Дурень". "Прыгскок" — аллюзия вовсе не на Летова, как можно было бы заподозрить, но на Motorhead времён "Ace of Spades". Не обошлось без размышлений на тему: "Рок-н-ролл, Рок и я" и излюбленного обращения к стихиям — "музыка ветра, гроз и дождя".

"Цирк" — это меньше эпоса и больше социального азарта: "Гаси", "Засада", "Охота". Альбом по большей части был сочинён пару лет назад, легко можно зафиксировать кинчевское раздражение процессами в обществе и во власти, реакцию на инерционность и декоративность системы. Так что пара текстов могла бы устроиться в репертуаре "Телевизора" или же рэп-публицистов. Даже тем, кто некогда поставил на "Алисе" сомнительный крест сервильности, с избытком хватит резких фраз.

"*Песни неверного времени. Неявные принципы, неясные убеждения, ложные цели, нечистая совесть, немодная честь. Чиновник — виновник, делец — подлец, герой — изгой, ничего постоянного. Законы городских джунглей бессмысленней законов Дарвина — не спасётся никто. Стенка на стенку, район на район, социум на социум*", — из предисловия к пластинке.

При этом — "я могу предвидеть, но не могу предсказать" — попрежнему в силе. Фраза из заглавной песни — "время безликих, век балаклав" внезапно обрела за последний год новое прочтение.

А уж тема шутов, балагана, цирка всегда близка "Алисе" ещё со времён Святослава Задерия и изначального состава, от которого, после ухода десятилетней давности, Нефёдова и Шаталина, не осталось никого. На альбоме "Танцевать" была хрестоматийная история про "Бродячий цирк". Здесь глобально поданная, цирковая линия проявляется через всю пластинку.

"*Арену жизни сузили в манеж, оставили себе только бег по кругу. Но мы не в кругу, мы в кольце. Как вырваться, куда? Головы вверх, смотрите под купол, там главными песнями альбома шагает канатоходец. Без лонжи, глядя в бездну, не по кругу — по прямой. И это тоже — цирк*".

Вспомним, что цирк в искусстве изображали художники, далёкие от благостно-наивного взгляда на мир: Босх, Брейгель. Шагал, Гойя. Или же Бунин — "С застывшими в блеске зрачками, в лазурной пустой тишине", Хармс и его абсурдный "Цирк Принтинпрам". А эпиграфом к пресс-релизу пластинки служат строки из "Мистерии-буфф" Маяковского.

"Какой-то цирк", "настоящий театр", "как в кино" — таковы старые выражения, которыми разоблачали иллюзию во имя натурализма. Теперь на повестке дня уже не это, а сателлизация реальности: на орбиту выходит некая неразрешимая реальность, несоразмерная с иллюстрировавшими ее прежде фантазмами", — писал Жан Бодрийяр.

Цирк издревле был сложносочинённым пространством, в котором смешивалось смешное и тревожное, жестокое и волшебное. Но сегодня "героический театр" сменило представление без границ, в котором задействованы все: зрители, клоуны, акробаты, режиссёры, билетёры… Приходится действовать так, чтобы быть адекватными реальности, но не изменять вневременным принципам:

Всё будет так,
как положено быть,
Иному быть не дано.
Арена действий советует жить
Как не покажут в кино.

Андрей СМИРНОВ